

*“Роман “Разбитая Гитара” прочитала дважды,
причем оба раза – не отрываясь...”*

РАЗБИТАЯ ГИТАРА-2

ЕЛЕНА МЕЙСАК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Мейсак

Разбитая Гитара. Книга 2

<https://litres.ru/51931205>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение остросюжетного детектива "Разбитая Гитара". Амире хочется встретить новую любовь и забыть ужасы прежних лет. Но дело о массовом расстреле закрывают, а на нее саму начинается странная охота, где каждый раз преступник оказывается на шаг впереди. Лишь стойкий характер и военная закалка не дают психике сломаться, но преступник безжалостен и неумолим, отнимая все, что ей дорого. Каждый раз, когда ниточка разматывается, он ускользает вновь, оставляя после себя лишь гадкие секреты и зловещие загадки. Как вычислить убийцу? Задача непростая. Того, кто не раскрывает своих мотивов, не так-то просто схватить. Содержит нецензурную брань.

Обложка создана искусственным интеллектом.

Содержание

1	4
2	27
3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Елена Мейсак

Разбитая Гитара. Книга 2

1

Камчатка. 12 ноября 2010 года. Три года спустя.

Вертолет приземлился на небольшой, занесенной снегом площадке.

– Ваше высочество, вы уверены? – негромко спросил коренастый мужчина в солнцезащитных очках.

– За этим вы и здесь, месье Бастьен. Как и вся остальная команда. И давайте уже как-нибудь без вашего высочества, прошу вас. Еще один год в Патонге хорошо помог в исцелении от спеси и титулов, – ответила ему невысокая женщина в горнолыжном костюме. – Думаю, вам стоит поволноваться не за меня, а за тех, кто будет спускаться по склону вместе со мной. Что же касается меня, то все горы Патонга уже не знают, как от меня отвязаться, наверное. Так я замучила их своим фрирайдом, – добавила она, обнажив белые зубы в ослепительной улыбке, вместе с которой на щеках заиграли обворожительные ямочки.

– Я хоть и врач, ваше высочество. Простите...ваше высочество...В общем, я хоть и врач, но если к месту ваше-

го прибытия вас выйдет встречать с шампанским и красной ковровой дорожкой медведь, или чего хуже, небольшая...гм...группа медведей... Что мы тогда делать будем?

– Там и посмотрим, – она взяла в руки сноуборд.

Никогда еще спуск не доставлял ей такого удовольствия. Она летела по склону самого настоящего вулкана, словно бы кожей ощущая его спящую мощь. Ее тело то пригибалось, повторяя рельеф склона, то чуть отклонялось назад, пронзительный ветер дул в лицо, замораживая щеки, а от кристально чистого воздуха ее душа хотела петь.

После столь триумфального спуска ей захотелось повторить заход, о чем она и сообщила сопровождавшим ее людям. Вертолет, находившийся неподалеку, подобрал их и повез на другой склон.

Бастьен слегка волновался. Склоны были для всех новыми. Что, если кто-то напорется на камень или ударится головой? Ну и что, что тренированные спортсмены. Все равно душа не на месте почему-то.

Пролетая мимо какого-то ущелья на пути к склону, они вдруг заметили скопление черных точек внизу. Женщина нахмурилась и достала бинокль. После чего тихо, но достаточно резко достала из чехла винтовку, навинтила на нее прицел и передала одному из сопровождавших.

Ее помощник, Робер, взяв в руки бинокль, лишь взглянул вниз, как сразу же оценил обстановку как потенциально опасную.

Небольшая группа людей, очевидно, туристов, стояла, не двигаясь. Перед ними находился невесть откуда взявшийся медведь. А возможно, медведица, что было бы только хуже.

Настроение у медведя было явно не романтическим, если судить по его чуть вздыбленной шерсти на холке. Еще несколько секунд, и он ринется в атаку на стоявшего спереди высокого мужчину. А еще через секунду получит пулю от его компаньона, уже нацелившего винтовку горемыке прямо в лоб.

– Наведите прицел. Робер, выловите их по рации, скажите, чтобы не стреляли... не стреляли в медведя. Скажите, что мы успеем. Предупредите, что они под прицелом, и лучше в русскую рулетку с нами не играть. Быстрее!

Помощник выполнил ее просьбу, а точнее, приказ. Вертолет почти что достиг ущелья, и мужчины теперь хорошо видели и их, и направленный на них ствол.

– Ваше высочество, что вы собираетесь делать? Вы же не... Пожалуйста, не ходите туда. Этот медведь накинется на вас! – взволнованным голосом сказал Робер.

– Сразу видно, Робер, что вы не так уж и давно со мной. Иначе вы бы увидели такое... Поверьте, медведь – не самое худшее, что может с нами произойти в этой жизни, – пошутила она. – К тому же, я знаю достаточно запрещенных методов на случай, если уговоры не помогут. Вырубится, поспит чуток и пойдет домой. Ишь ты, сезон еще толком не начался, а нервишки у мишки уже никуда не годятся.

Робер удивленно посмотрел на нее. Нет, ну у кого еще хватит смелости шутить в такой момент.

Приземлиться не было возможности, и вертолет завис в воздухе, выбросив лестницу. Пара секунд и женщина была на земле, встав между группой и медведем.

Повелитель Камчатки тут же встал на дыбы, показывая, что уж он-то шутить не намерен. На какое-то мгновение две пары черных глаз встретились. Медведь был агрессивен, но словно бы чувствовал, что она его не боится, но и в обиду себя не даст.

В ее же голове происходил настоящий сумбур. Она никогда еще не находилась так близко к этому меховому властелину зверей, собравшемуся, судя по всему, задрать ее себе на завтрак.

Она сверлила его глазами, словно буравчиком. В этот момент она почему-то вспомнила военный госпиталь, где очень много лет назад искусные руки Мирослава Драговича из номера 1332597 превратили ее в Елену Скворцову.

Она почему-то вспомнила, как после двух месяцев полурастительного существования, скрашиваемого разве что изрядными дозами анальгетиков, она заметила, как ее упругий живот становится дряблым.

Наверное, только ей могло тогда прийти в голову, что это некрасиво. Она, видимо, продолжала жить в состоянии аффекта или какого-то полусна, ведь на ее теле живого места не было, на голове – ни единого волоса. А она беспокоилась

о плоском животике.

Она нервно хихикнула, вспомнив, как вскарабкалась на старые перила балкона, пытаясь подкачать мышцы. Как ее пальцы, державшиеся за перила, медленно разжались, и она со скоростью водопада полетела вниз. Как вскрикнула вошедшая сделать ей укол медсестра. Хотя... любой на ее месте мог испугаться, увидев изуродованное пугало в лубках на ногах, летящее вниз головой с балкона.

Но уже тогда она знала, что ноги смогут удержать ее. Ими она держалась за прутья балкона. И все было бы гораздо проще, если бы она с самого начала знала, чего ей будет стоить поднять тело обратно в вертикальное положение!

За прохладение в больнице приходилось платить мышечной слабостью. Она уцепилась руками за перила, но все равно не могла подняться. Медсестра пыталась помочь ей, но упрямо была отправлена туда, куда и следует.

Когда же, наконец, ей удалось залезть обратно, она просто рухнула без сознания на пол, совсем обессилев. И какую длинную и муторную лекцию ей потом пришлось выслушать от Драговича.

Медведь, похоже, не понимал ее игривого настроения. Он так и стоял на двух лапах, собираясь напасть. Рука женщины уже было потянулась к воротнику, где были спрятаны иглы со снотворным, которое она собиралась вколоть ему прямо между глаз, как вдруг... вдруг медведь опустился.

Рука женщины дрогнула и тоже опустилась. Медведь раз-

вернулся, и тихо побрел восвояси. Раздался облегченный вздох более, чем из одной груди.

– Что вы ему внушили? – нервно воскликнул высокий мужчина, стоявший впереди.

– Только то, что я совсем невкусная. – она слегка усмехнулась. – Передала ему мысль на расстоянии, что титановыми пластинами и подавиться можно.

– Вы еще можете шутить! – мужчина был восхищен. Вообще, первый раз вижу, что женщина защищает группу мужчин. Как-то даже неловко.

– Неловко было бы, если бы ваш телохранитель пристрелил бедолагу, – медленно сказала она.

– И что, вы сегодня без сына? – съязвила она секундой позже.

– Постойте. Откуда вы знаете, что здесь мой телохранитель?

На лбу мужчины залегла складка. Вопросы про сына он, похоже, не расслышал.

– Даже если бы я видела вас впервые, задача не так уж сложна. Для меня, по крайней мере. Я в общей сложности шесть лет провела в армии Патонга, и чего только мы там не видели. Правда, с живым медведем повстречаться посчастливилось лишь сегодня. Но мне было еще легче. Я вас знаю. Вы – Дмитрий Подольский. Владелец заводов, газет...и так далее.

– Что же. Я тоже попробую сыграть в Шерлока. У вас есть

дети. Иначе, зачем вам цитировать Маршака. У вас в теле титановые пластины. Вы прилетели сюда на вертолете, а значит, работаете не моим секретарем. И, в конце концов, мы с вами встречались раньше. А значит, я вас тоже знаю. Ваше высочество, вы – Амира де Оливера, княгиня Кастанции.

– Да-да... сначала на Тверском бульваре во время ночных заездов верхом, а затем во время гонки на автомобиле, где из-за вас я попала в аварию. И если можно, давайте без этого вашего высочества. Я давно не живу в Кастанции, отвыкла. Я позволяю вам называть меня просто Амира.

Подольский мысленно присвистнул. Он был завидным холостяком, довольно привлекательным внешне, да к тому же обладал внушительным капиталом в несколько десятков миллиардов долларов.

Мечта всех свободных и не очень женщин России и не только. На все готовых, лишь бы он обратил на них внимание. Популярность его была сравнима разве что с популярностью голливудских актеров.

А тут на тебе. Оказывается, есть еще на свете женщины, которых он не только не впечатляет, но которые говорят тебе: «Я позволяю вам». Он уже и отвык от такого.

– Прошу вас, извините. Я действительно не нарочно, – сказал Подольский после небольшой паузы.

– Все в порядке. Но что вы здесь делаете? Вы же можете позволить себе что угодно; лучшие горнолыжные курорты мира к вашим услугам. Куршевель, например. Или Швейца-

рия. Почему Камчатка?

– Не поверите, но я вас о том же спросить хотел. – Он улыбался.

– У меня все гораздо прозаичнее. Камчатка – одно из немногих мест, где я могу столь свободно разгуливать, не будучи замеченной журналистами.

– И, правда, за последние годы о вас ничего не было слышно. Как исчезли вы тогда после той скандальной телепередачи, так словно в воду канули. Поговаривали, что вы опять изменили имя и уехали в Мексику. Ну, или что-то вроде того.

– На самом деле, это похоже на правду. За эти три года я много где побывала. Но самое главное – годичная переподготовка в армии Патонга. Это было гвоздем программы.

– Раз уж мы с вами в третий раз встречаемся при столь загадочных обстоятельствах, может быть, нам стоит познакомиться, как нормальным людям? Я имею в виду, не примете ли вы мое приглашение поужинать?

– Скажите, а загранпаспорт у вас с собой? – ее слова, на первый взгляд, звучали невпопад.

– А зачем это? – все так же невпопад спросил он.

– Хочу проверить, насколько вы способны поддаться духу авантюризма. У меня в аэропорту Петропа...Петропавловск...в Елизово стоит одно транспортное средство, на котором я собираюсь совершить небольшое путешествие в Марсель. Давно не была дома, соскучилась по сыну и по родным.

Помолчав немного, она спросила:

– Не составите ли вы мне компанию?

– Сестренка, как я счастлив, что ты, наконец, вернулась!

– Люк весь светился от радости.

– Господин Подольский, позвольте вам представить моего брата Люка.

Подольский остался на ужин и весь вечер протанцевал с Амирой. Во время ужина разговаривали о России, о переменах, произошедших за эти годы, о том, отразится ли мировой кризис на ее экономике, и о многом другом.

– Чем вы сейчас занимаетесь, ваше высочество? – спросил Подольский.

– Я прошу вас, давайте обойдемся без высочества – голос Амиры выражал легкую досаду.

– Договорились. Но и вы меня тогда будете вынуждены называть не господин Подольский, а просто Дмитрий, как это делают все мои друзья.

– Намеряете на то, что мы друзья?

– Вроде бы, как – ответил Подольский. – Так чем вы сейчас занимаетесь?

– Разными, совершенно разными вещами. В офисе не работаю, если вы об этом. Все свое время отдаю поискам себя. Ну и еще кое-чем занимаюсь, – добавила она после небольшой паузы.

– Наслышан про ваш высокочастотный прибор. Настоя-

щий подарок для криминалистов.

– Спасибо.

– И еще вы вроде бы работали над каким-то поглотителем шума, да?

– С подавителем, к сожалению, так ничего и не выходит. Постоянно нахожу в нем какие-то дыры. В закрытом помещении он работает нормально, а в открытом пространстве и начинаются все проблемы. Чуть стоит поменяться влажностью и все, прибор начинает пропускать звук.

– Но, стойте, зачем вам открытое пространство? – Подольский был удивлен.

– Так за этим и нужен этот прибор, чтобы снижать шум на больших расстояниях. Для того, чтобы подавлять звук электрогитары в комнате, это было бы слишком шикарно. Допустим, вам нужно подавлять шум точно, но механические поглотители по эстетическим соображениям вы устанавливать не хотите. Ну, или если у вас нет возможности ставить защитные экраны! Только представьте, что вам хочется провести рок-концерт, скажем, на площади старого европейского города. Или, нет! Представьте, что вам предстоит провести автомобильную гонку! Или построить взлетную площадку для вертолета прямо в соседнем дворе. Или целый аэропорт! – Амира говорила с таким энтузиазмом, что Подольский невольно залюбовался ей.

Ее темно-карие, почти что черные глаза словно бы брызгали горячим мазутом, в котором плясали маленькие бесе-

нята. Вот вроде бы еще минуту назад такая сдержанная и спокойная, сейчас она представляла собой оголенный провод, сгусток энергии, фейерверк эмоций отражался на ее лице, и, казалось, она не слышала никого вокруг.

– Собираетесь ли вы вернуться в Россию? – голос Подольского вернул ее на грешную землю.

– Теперь, когда прошло столько времени, меня ничего с ней особо не связывает, поэтому, скорее всего, этот этап моей жизни завершен. Наш офис перестали финансировать, а онкологический центр справляется и без меня.

– Но вы же не продали дом? А значит, в глубине души вы все-таки надеетесь вернуться. – Предположил ее собеседник.

Амира оставила этот вопрос без ответа. Подольского многое в ней удивляло и заставляло задуматься. Во-первых, то, что она постоянно отвечала уклончиво или вовсе предпочитала не отвечать ничего. Во-вторых, то, что она очень редко смеялась и даже улыбалась.

И, наконец, что несмотря на то, что стол в их доме буквально ломился от разнообразия самых дорогих закусок и напитков, а уж Подольский-то знал в этом толк, ни Амира, ни Люк не притронулись практически ни к чему.

Алкоголя они не выпили ни рюмки. Амира только слегка покрутила свой бокал красного вина и поставила его обратно. Непонятно было вообще, как эти люди развлекались.

Тем не менее, не в привычках Подольского было отсту-

пать, и через некоторое время он, слегка подогретый почти целой бутылкой «Шато Петрюс» 1988 года, вновь начал спрашивать Амиру о ее планах.

– Завтра мы с Люком вылетаем в Боснию, – сказала Амира. – Если хотите, вы можете поехать с нами, и тогда сами все увидите.

Сказано – сделано. На следующее утро в аэропорту их ждал самолет. Настроение у всех было боевым.

Амира что-то обсуждала с Подольским и, казалось, была полностью поглощена беседой. Ей было интересно с ним. Этот человек сделал себя сам, а таких людей Амира если уж не любила, то до безграничности уважала.

Свое состояние Подольский сколотил в годы перестройки. Само по себе слово «перестройка» вызывало у Амиры живой интерес. Она прожила в России пять лет, ее прадед был русским, у нее когда-то был российский паспорт, и она считала, что со спокойной совестью может называть русской и себя.

Но перестройка была для нее чем-то из области terra incognita, дразнящим и загадочным. В то время она была еще слишком молода, чтобы интересоваться политикой и экономикой других стран, а теперь все, что так или иначе было связано с неизведанным, манило ее, словно магнит.

Подольский, как и многие в то время, брался за любую работу: разгружал вагоны, мотался челноком в Китай и Польшу, стоял на рынке, торгуя модными тряпками, да чего он

только ни делал, пока в один прекрасный день не вложил купленные почти за бесценок ваучеры в один загнивающий завод в Подмоскowie. На заводе половина мощностей простаивали, персонал уже несколько лет получал зарплату продукцией, и все пришло в полнейший упадок.

И именно он, Подольский, поднял полумертвое предприятие с колен, превратив его в преуспевающий бизнес, именно он. Потом он стал приобретать объекты недвижимости и перепродавать их, потом создал свою девелоперскую компанию и, наконец, стал таким, каким его все знали сегодня.

Амира слушала его с неподдельным восхищением. В обществе своего компаньона она чувствовала себя довольно особенно. Размер их капиталов был примерно одинаковым, но рядом с Подольским она чувствовала себя дошкольницей.

В отличие от удачливого русского бизнесмена, вынужденного в детстве и юности считать каждую копейку, она родилась в роскоши, которая была для нее естественной. Все эти частные самолеты, приемы, коллекционные вина и одежда от лучших портных, которые в кругу Подольского считались атрибутами успеха и достижений, были для нее самим собой разумеющимся.

По законам Кастании она также была наследницей части имущества семьи Оливера. Значительную часть этого состояния унаследует Эстебан, которому рано или поздно придется взять бразды правления страной на себя, когда это не сможет делать Массимо Оливера, ведь Анхель был единствен-

ным сыном князя, и после гибели молодого наследника все его права и обязанности переходили к внуку.

Каждый раз, когда Амира думала об этом, ее мысли становились печальными. Она знала, что никогда не вернется жить в Кастанию. Это было просто выше ее сил. Каждая кочка на дороге, каждый вздох на этой земле напоминал ей об Анхеле, и это было невыносимо больно, больно даже сейчас.

Однако ее сын, являясь полноправным наследником, должен будет однажды туда переехать, и они расстанутся. Ей становилось грустно от этой мысли. Но таковы были правила. С того момента, как тебе повезло стать членом королевской семьи, на тебя возлагается огромная ответственность, и себе ты принадлежишь лишь отчасти.

Поэтому ей как-то придется смириться с тем, что она родила Эстебана не для того, чтобы он принадлежал ей, и даже не для того, чтобы он прожил свою жизнь, как хотел. Она родила его для того, чтобы он исполнил свой долг перед страной, в память о своем отце.

Конечно, у Эстебана всегда оставалось право отречения. Тогда он будет жить во Франции или любом месте, котором пожелает, да хоть в России. Престол в этом случае перейдет к каким-то дальним родственникам Массимо Оливера.

Но Амира знала, что никогда в жизни не попросит Эстебана о такой жертве. В отличие от нее Эстебан не знал жизни при дворе. Пять лет он прожил в самом обычном доме в России и дружил с самыми обычными детьми.

И хотя ее сын был не менее интеллигентен и образован, чем она сама, ее сердце знало, что придворная жизнь Эстебану чужда, а значит, для того, чтобы исполнить свой долг, ему придется наступать на себя.

И это тоже ее отчасти угнетало. Но сейчас думать об этом не хотелось. Эстебану было всего тринадцать лет, а здоровье и работоспособность князя не вызывали опасений. Это значит, у нее в запасе есть еще, минимум, лет восемь, которые они могут потратить на то, чтобы радоваться жизни. А когда придет время решать, тогда и они и посмотрят.

Так думала она сейчас. В конце концов, уже достаточно давно она верила в то, что в жизни трудно что-либо планировать на столь длительный срок, ведь всего за какие-то пять минут все может измениться до неузнаваемости.

Поэтому она в очередной раз отмахнулась от этих мыслей и решила думать о Подольском, с которым так живо общалась сейчас.

Уже в самом начале их разговора она поняла, что система их ценностей и картина мира кардинально отличаются друг от друга, но оттого он лишь казался ей еще интереснее. Он был для нее очень непонятным, загадочным типажом и был словно закрытая книга, которую очень хотелось прочесть.

Они говорили и говорили, и, казалось, не могли наговориться. У Подольского было припасено множество историй о его бизнесе, молодых годах, приключениях, количество которых порой зашкаливало.

К Амире подошел ее помощник, второй пилот, и тихо сказал, что открыт коридор для взлета, и что ей пора. Амира собиралась пилотировать самолет сама, но ей не хотелось оставлять Подольского сейчас.

Она была в этом вся. Если ее что-то захватывало столь сильно, остановиться было невозможно. Поэтому она велела ее напарнику взлетать самому и вместо кресла пилота она уселась в пассажирское кресло в салоне, где должен был сидеть Подольский. Их беседа продолжилась.

Самолет вырулил на взлетно-посадочную полосу. Получив разрешение на взлет, пилот приготовил борт к разбегу. Двигатели заработали в полную мощность, и группа путешественников была готова покинуть аэропорт, как вдруг раздался какой-то хлопок и послышался звон разбитого стекла.

Полет был в экстренном порядке прерван, а в салоне началась легкая паника. Амира сидела у иллюминатора справа. Стекло иллюминатора было прострелено, Амира держалась за правую руку, а между ее пальцев на одежду стекала алая кровь.

Пуля попала ей в плечо, чуть выше локтя.

Люк побелел. Он было взял телефон, чтобы вызвать врача, но Амира остановила его.

– Не нужно, Люк. Врачи обязаны будут вызвать полицию. Лучше найди нам новый борт. Мы обязательно должны попасть в Боснию. Ты прекрасно знаешь, как важен для нас этот день, и как долго мы ждали его. И ты прекрасно зна-

ешь, что я скорее умру, чем нарушу последнюю волю Анхеля Оливера, – в этот момент она закусил губу от боли. Найди исправный самолет и уладь это дело без полиции. Я сама сообщу Ренье. На этой полосе нет камер, и скорее всего, никто не видел, что в самолет стреляли. Придумай что-нибудь. Замни эту историю... придумай что-нибудь...

Она потеряла много крови, и силы медленно начали оставлять ее.

– Не допусти, чтобы сюда попала полиция. Ты прекрасно... ты прекрасно знаешь, что нельзя...

– Дмитрий, помогите мне, – все, что она успела сказать.

Подольский помог ей встать. Амира жестом велела ему двигаться в хвостовую часть самолета и достать чемоданчик в углу. Взяв чемоданчик, они двинулись в направлении туалета. Там Амира, продезинфицировав руки, взяла из чемоданчика какой-то предмет, напоминавший хирургический ланцет.

Не успел Подольский и рта раскрыть, как Амира полоснула ланцетом по руке. Из руки брызнула кровь, к горлу Подольского подступила тошнота. Он чувствовал, как кружится голова.

Тем временем Амира, с хладнокровием серийного убийцы запустила левую руку в рану и вытащила окровавленную пулю. Продезинфицировала и зашила рану. Потом наложила на рану тугую стерильную повязку. Ее мутило.

Закусив губу, она продолжала свои манипуляции. Вколлов

в ягодичную мышцу антибиотик, она, практически обессилев, откинулась на сиденье унитаза. Лицо ее было землисто-серым.

Через пару минут она вновь взяла чемоданчик и сделала себе укол обезболивающего и успокоительного. И лишь сейчас она заметила, что Подольский лежит в проходе без сознания. Она нащупала в чемоданчике флакон с нашатырем, быстро разбила его и поднесла к носу своего спутника.

Дмитрий очнулся, не сразу понимая, где находится. Но уже через секунду вскочил, как ошпаренный.

– Как вы? – обеспокоенно спросил он.

– Все в порядке, жить буду, – сказала Амира. Придется теперь мне делать еще одну татуировку, показав на перевязанную руку, сказала она.

– Господи, у вас, что, еще есть силы шутить? – Подольский был сражен. Он не сразу обратил внимание на то, что Амира упомянула «еще одну» татуировку.

Насколько было ему известно, у нее не было татуировок? Или были? И почему она так убивается о том, что ей нужно непременно попасть в Боснию? Могло ли быть что-то важнее ее жизни? Не женщина, а одна сплошная загадка.

Амира посмотрела на свою окровавленную одежду.

– Боюсь, мне придется попросить вас о несколько интимной услуге, хотя мы с вами и незнакомы практически, – в ее глазах заплясали чертики. – Мне нужно переодеться, и вы мне в этом должны помочь.

Подольский помог ей снять блузку. Сидящая перед ним девушка была, скорее, худощавого телосложения, и на ее теле не было ни грамма жира. То, что он видел, охватывал плотный мышечный каркас. Грудь ее была миниатюрной, живот – плоским, и на нем еле ощутимо вычерчивались четыре кубика.

Он взял из чемодана сложенную в несколько раз марлю, намочил ее водой и стал вытирать кровь с тела Амиры. Он медленно провел рукой по ее животу. В этот момент их глаза встретились, и Подольского бросило в жар.

Но уже через секунду он овладел собой. О чем он думает? Видимо, совсем из ума выжил. Только полоумный может желать женщину, которая от слабости еле сидит! С этими мыслями он быстро закончил свою работу, принес новую блузку и помог Амуре одеться.

Через два часа они летели в Боснию. Амуре явно нездоровилось. Она сидела, прислонившись головой к обшивке самолета, но ничего не говорила. Подольский хотел было что-то спросить, но Люк жестом показал, что сейчас ее лучше не трогать.

Подольского одолевали странные мысли.

Господи, неужели он влюбляется в нее? Только этого не хватало. Ходили слухи, что Амира так и не смогла разлюбить своего погибшего мужа, и что из-за этого она уже разбила немало сердец, не будучи в состоянии ответить взаимностью никому. А поклонников у нее было много, скорее да-

же, очень много. А теперь, когда весь мир узнал про овдовевшую наследницу миллиардного состояния, их стало еще больше.

Хотя...когда Подольский смотрел на нее, он готов был побиться об заклад, что если бы у нее за душой не было ни гроша, все эти толпы несчастных донимали бы ее все равно. За то, чтобы в этих бархатных глазах появилось выражение любви и нежности, можно было бы и душу продать, наверное.

Но только не он! У него уже был опыт несчастной любви, диких запоев потом, и повторять все это он не собирался.

Но эта непонятная женщина, с которой он проговорил практически сутки без остановки, но которая при этом ни на миллиметр не впустила его в свою душу, эта женщина, практически без сил сидевшая у иллюминатора, уставившись в одну точку, вызывала у него все новые приступы нежности. Ему так захотелось подойти к ней и просто обнять.

Но он не сделал этого, зная, как нелепо будет выглядеть.

Вместо этого он опять попытался начать разговор, спросив:

– Вы не боитесь выходить? Вы же живая мишень. Убийца, который пытался покончить с вами, наверняка предпримет еще попытку. И это место подходит ему как нельзя лучше.

Амира, немного повернув голову, отозвалась:

– Вы знаете, Дмитрий, но я буду вынуждена огорчить вас, – все еще немного морщась от боли, выдавила из себя Ами-

ра. – На самом деле, стреляли в вас.

– В меня???

– Это легко определить, в данном случае, по крайней мере. Снайпер находился на крыше, чуть выше положенного. Так как я должна была быть в кресле пилота, а вы – сидеть на моем месте, пуля предназначалась вам. Убить вас не хотели, нужно было лишь ранить. Иначе бы снайпер стрелял с другой высоты, под другим углом и аккуратно в вашу голову.

– Выходит, я целиком обязан вам тем, что остался цел и невредим...

– На самом деле, на вашем месте я была бы сейчас осторожнее. Не буду предостерегать вас от общения со мной. Убийца слишком умен, чтобы допустить фиаско во второй раз.

Поэтому стрелять в вас в моем, по крайней мере, присутствии он не будет. Но опасайтесь других ловушек, промышленного шпионажа или похищения ваших родных. Усильте охрану сына на всякий случай.

– Но почему вы решили, что в мои дела кто-то полезет?

– Видите ли, со мной кто-то уже давно ведет какую-то непонятную игру. Убить меня не пытаются, сегодняшней случай, как вы поняли, был случайностью. И, тем не менее, все, к чему или к кому я прикасаюсь, выводят из строя.

Тут ее лицо погрузнело, Подольский не мог этого не заметить.

– И раз уж так получилось, что мы с вами познакомились,

у вас есть только два выхода: первый – отказаться от общения со мной, и второй – принять параноидальные меры безопасности. Очень может быть, что кто-то попытается сделать что-либо, чтобы иметь возможность надавить на вас, а затем получить от меня то, что им нужно.

Так было уже однажды, когда в нашем офисе на сервера была совершена хакерская атака, призванная подставить меня и уличить в мошенничестве. В результате человека, который приехал из Европы расследовать это дело, пришили как собаку ни за что, ни про что.

– И как давно это продолжается?

– Уже тринадцать лет. Тринадцать лет прошло, с тех пор, как...

На ее лицо опять набежала тень. Теперь ее молчание неприлично затянулось.

Однако вскоре она продолжила.

– Мне пока не удастся выяснить ни мотивов, ни причин этой адской игры. Вы ведь помните ту мерзкую телепередачу, да? Так вот, многое из того, что там показывали, имело своей целью вывести меня из игры. И к сожалению, мой враг очень хитер, крайне осторожен и необычайно умен.

Подольский задумался.

– Но вы не считаете, что там, куда мы с вами едем, выстрелить будет проще простого?

– Я уже сказала вам, что повтора не будет. Убийца – не идиот. Сегодня он уже точно повторять попыток не будет,

слишком высока вероятность попасться. Я уже сообщила куда следует, и меры безопасности будут усилены, не успеют шасси нашего самолета коснуться взлетно-посадочной полосы.

На нашем мероприятии будет очень много людей, будет и пресса. Мы впервые снимаем гриф секретности. Ведь мы проводим его в последний раз. В такой толпе легко ошибиться, а как я сказала, второй ошибки преступник допустить не может. Это вам не дилетант какой-нибудь.

– Но могу ли я, наконец, узнать, на какое именно мероприятие мы летим?

– Наберитесь терпения, мой дорогой друг. Неужели вы не хотите доиграть эту партию до конца?

– Господи, да я-то хочу, но вы, вы-то как? Как вы собираетесь что-либо делать в таком состоянии?

– Не волнуйтесь, Дмитрий. Об этом я позабочусь. Вы даже не представляете себе, как мне повезло сегодня. Если бы пуля попала в нерв, пальцы или какое-нибудь сухожилие, все было бы гораздо мрачнее. А это заживет, не успеете и глазом моргнуть. А сегодня... Сегодня у меня в аптечке еще осталось много обезболивающего.

«Мой дорогой друг», – промелькнуло у него в голове.

Интересно, кто-то еще осмелился бы назвать его так? Кроме этой непонятной женщины, разумеется? Дмитрий улыбнулся. Ему было хорошо с ней, и он решил просто ей довериться, раз уж другого выхода у него не было.

2

Приземлившись в Сараево, они пересели на уже поджидавший их вертолет. Когда они долетели до места, Подольский увидел внизу огромную толпу журналистов.

Местность выглядела подозрительно знакомой. Что же здесь происходит? И тут его словно молнией ударила догадка. Да это же то самое место, где тринадцать лет назад расстреляли оркестр!

Да-да...он вдруг вспомнил ту злосчастную передачу, и его вновь замутило. Какая сволочь могла снять акт этого зверства на камеру! И совершенным верхом цинизма было показать эту пленку на всю страну.

Он не собирался делиться своими мыслями с Амирой, не хотел ворошить в ее душе и без того болезненные воспоминания. Хотя, наверное, она и без него там уже много чего переворошила.

Одно, все же, оставалось непонятным: зачем они здесь? Амира сказала, что они здесь в последний раз. Что же здесь происходило раньше? Как же все запутано, однако.

Вскоре он увидел, что возле того места, где когда-то был вырыт котлован, расположился хор. Подольский толком не успел сообразить, в чем дело. Позади одетых в длинные белые платья, больше похожие на саваны, чем на платья, женщин и мужчин, в несколько рядов расположились белые зон-

ты.

Как-то странно они стояли, ведь обычно хор стоит позади оркестра, а эти были впереди всех.

Он хотел было задать вопрос Амире, но она как-то незаметно ретировалась. Подольский оглянулся по сторонам, но так и не увидел ее.

Казалось, зонтов было целое море. Дмитрий начал считать, и насчитал тридцать штук. На каждом из зонтов он увидел отпринтованную фотографию человека, державшего музыкальный инструмент.

Еще какое-то время коммерсант находился в замешательстве по поводу происходящего, пока, наконец, страшная догадка потихоньку не начала пробираться в его утомленный мозг.

Догадка подтвердилась после того, как между хором и морем из зонтов он увидел обособленный зонт, на котором было фото пожилого человека в очках. Вспышки из той страшной передачи вновь пронзили мозг раскаленным железом.

Да! Это же был дирижер оркестра «Фортиссимо». Он вспомнил, как даже его холодное, расчетливое сердце, сердце человека, многое повидавшее для своей не столь уж длинной жизни, сжалось тогда при виде жестокой расправы.

Было жалко молодых, но при виде того, с каким несгибаемым достоинством держался этот уже далеко не юный мужчина, с какой выдержкой провел он последние минуты своей жизни, выворачивало наизнанку даже циничную душу По-

дольского.

Его сердце екнуло лишь от одного воспоминания о том, что случилось.

За этими думами его застал интроит. Подольский не был сведущ в музыке, но минут через десять понял, что хор поет «Реквием». По спине побежал холодок.

Он увидел Амиру в центре. Она была бледна, как полотно. Похоже, ей было совсем плохо.

Tuba mirum spargens sonum

Per sepulcra regionum,

*Coget omnes ante thronum.*¹

Пел бас. По позвоночнику Подольского побежали мурашки, размером, наверное, с крупного таракана.

Mors stupebit et natura,

Cum resurget creatura,

*Judicanti responsura*².

¹ 'Трубы удивительный звук пронесется Над кладбищенскими странами, Сзывая всех к престолу' – лат.

² 'Смерть и природа замрут, Когда творение воскреснет Судящему дать ответ.' – лат. [Перевод взят из источника](#)

Тенор следовал за ним по пятам.

Колокольчиком зазвенел голос Амиры.

Господи, а она! Она что, еще и поет? Попробуй, разбери сейчас.

По голосу было сложно определить, что еще несколько часов назад в его владениях хладнокровно выстрелила какая-то скотина, а эта молодая женщина, поющая сейчас, собственноручно выковыряла из своей руки пулю, будто косточку из арбуза.

Пока тянулись эти размышления, хор запел *Confutatis*. Тут Подольский заметил, что лицо Амиры, бледное и прежде, приобрело землистый оттенок.

Господи, да она сейчас потеряет сознание.

Тенор и стоящая слева от Амиры женщина, словно почувствовав это, незаметно подошлись ближе, и когда звуки скрипки, каплями падающие на землю, плавными легато переходя от одной хоровой фуги к другой, незаметно подобрались к *Lacrimosa*, Амира оказалась тесно зажата между ними, да так, что ее глаза, начинавшие было закрываться, тут же открывались вновь.

Но вот хор запел *Hostias*. В это время оркестр, которому будто помогал кто-то невидимый, вдруг сменил зонтики с белых на красные, словно обогранные кровью.

На некоторых из зонтов он заметил нанесенные черной краской какие-то буквы, по одной букве на зонт. Но вот зон-

ты пригнулись, и Дмитрий увидел, что на них было по-английски написано We Remember³.

Он оглянулся вокруг и заметил, что многие журналисты, особенно, женщины, плачут. Что говорить, зрелище это было не для слабонервных. Даже ему было слегка не по себе.

Он увидел дирижера, которого он тоже узнал. Это был тот самый чудаковатый молодой парень, повелитель оркестра, названия которого он почему-то не помнил.

Зачем понадобилось ворошить столь болезненное прошлое? Ах да, Амира говорила, что она что-то, вроде бы, обещала своему покойному мужу, принцу Анхелю.

Принц...вдруг это словно бы ножом резануло Дмитрия по сердцу. Он неожиданно спустился с небес на землю. Теперь он, наконец-то, смог прочувствовать, почему Амира вела с ним себя так свободно, с ним, миллиардером, завидным холостяком, мечтой доброй половины женщин России и не только.

Вот прямо сейчас он понял, что все дело в том, что он просто не принц. А если и принц, то не из ее сказки. У него не было никаких шансов. И она это знала, поэтому вела себя с ним, как...как с подружкой.

Дмитрия захлестнуло странное чувство, то ли грусть, то ли обида. Про Анхеля он сейчас вообще не думал.

Слава богу, этот трагический концерт подходил к концу, потому что Амира вообще еле стояла на ногах.

³ Мы помним, – англ.

Она пыталась держаться, сколько могла. Как же все это было некстати! Она имела в виду выстрел. Четыре года они пели здесь каждый год, в строжайшем секрете храня все происходящее. Каждый музыкант обыскивался с особым пристрастием на предмет камер. Вся фототехника и мобильные телефоны отбирались.

И вот, наконец-то, в последний год они решили допустить сюда прессу, и тут это.

Но, слава богу, она справилась. Она мысленно похвалила себя за стойкость. Слово, данное Анхелю, она сдержала. Скоро можно будет потихоньку собираться домой.

Когда она очнулась, то увидела, что лежит на траве, а точнее, на руках у Подольского, который так уютно обнимал ее, сидя на коленях.

– Ну почему вы меня не послушали? – в голосе Подольского была досада. – Почему вы не могли отменить это мероприятие?

– Думаю, Дмитрий, чего-то лучше просто не понимать. Еще великий Спиноза говорил, что если так случится, что объект нашего восхищения будет часто пониматься нами, наше восхищение иссякнет. Золотые слова!

– И все же, Амира. Было бы очень любопытно узнать, почему вы рисковали здоровьем, а, возможно, и жизнью, приехав сюда с простреленной рукой!

– Господи, Подольский! Ну, какой же вы дотошный. До всего вам нужно докопаться, все проанализировать. А вооб-

ще, поехали-ка домой. Как-никак у меня день рождения сегодня.

– Как день рождения? – удивленно спросил Подольский и тут же пожалел об этом, буквально на секунду увидев в глазах своей прекрасной спутницы вспышку поистине нечеловеческой боли.

«Какой же я олух, однако, – думал он, – ведь именно в этот день, в день ее рождения она чуть не погибла! И что там еще говорили в той отвратительной передаче? Кажется, у Анхеля сегодня тоже был день рождения... Просто невероятно».

Впрочем, Амира быстро справилась с собой.

– Теперь из-за количества лекарств в крови мне даже и не выпить, – пыталась пошутить она.

– И куда мы сейчас едем? – спросил Подольский.

– Как куда? В Москву, конечно же!

Следующие две недели прошли спокойно. Амира практически не выходила из дома, поправлялась. По крайней мере, ей хотелось, чтобы все так думали.

На самом же деле она уже успела дать все необходимые указания насчет своей лаборатории для проведения дальнейших экспериментов.

Уже не в первый раз она радовалась тому, что пуля не задела сухожилий, суставов или крупных нервных окончаний. В противном случае ей бы пришлось очень, очень туго.

И вовсе не игра на фортепиано ее так беспокоила, и даже

не тот факт, что она могла лишиться возможности стрелять ведущей рукой. В Патонге предвидели все или практически все. В том числе и возможную потерю одной из рук.

В мире, где не было войн, и практически не было терактов, это режет слух, кажется безумным зверством. Но только не в Патонге, только не в войсках особого назначения, где люди ежедневно рисковали своими жизнями. Поэтому Амира была обучена стрелять левой рукой в том числе.

То, что действительно было страшно, так это риск лишиться возможности играть на гитаре. У нее уже давно были на этот счет свои планы. Но к счастью, все обошлось, и это придавало ей бодрости духа.

Подольский приходил каждый день: приносил фрукты, цветы, и просто какие-то милые безделушки, поднимавшие ей настроение. Он ей определенно нравился. С ним ей было спокойно, даже комфортно. И кажется, она ему нравилась тоже.

Она не испытывала к нему тех обжигающих душу чувств, которые когда-то пылали у нее к Анхелю, но она и так знала, что никогда и ни к кому у нее таких чувств больше не будет. Никто и никогда не займет место Анхеля в ее сердце.

И это был и грех ее, и крест. Видимо, так распорядилась судьба, что не суждено ей больше испытать рая на земле. Однако оставаться одной ей больше не хотелось тоже.

И почему бы не Подольский, в конце концов? Ее не волновали его деньги, но человеком он был интересным. Самое

главное, что им явно есть о чем поговорить, и они могли делать это буквально часами.

И вот, наконец, тревоги последних дней остались позади, и она смогла выйти на улицу. Ее так раздражал этот уродливый черный фиксатор, поддерживающий руку, и каким же счастьем было, наконец, от него избавиться!

Сегодня они с Подольским поедут на прогулку в центр, а потом она вновь начнет практиковаться. Так она решила.

Настроение у обоих было приподнятым. Они бродили по узким улочкам, по Солянке, Ильинке, Подколокольному переулку, Покровскому бульвару, а потом пошли вдоль Большого Трёхсвятительского переулка.

На секунду Амира остановилась в изумлении, увидев, что на одном из домов сохранилась вывеска старого названия улицы: Большой Вузовский переулок, хотя его переименовали давно, в далеком 1993 году, когда она еще преспокойно жила в своем доме в пригороде Марселя, занималась музыкой, слушала поучения маменьки, и не знала еще ничего из того, что знала сейчас.

Такое небольшое путешествие во времени и пространстве, словно бы они были галактическими туристами, прибывшими из фантастической страны под названием Ниоткуда. Туристы из Ниоткуда, она внутренне улыбнулась своему остроумию.

Тогда еще не родился Конфуций, а Анхель, Анхель еще был... К ее горлу вдруг подступил ком.

В это время Подольский предложил ей сходить в Исторический музей. Каждый москвич, да и не только москвич, наверное, хотя бы раз был в Историческом.

Но Амира, несмотря на то, что в ее жилах текла русская кровь, несмотря на то, что она прожила в Москве целых пять лет, ни разу здесь не была. Что же, туристы так туристы. И они двинулись в сторону улицы Варварка, с которой они и планировали попасть на Красную Площадь, а потом в музей.

Красная Площадь, как всегда, была наполнена туристами, несмотря на конец ноября и достаточно ветреную и холодную погоду.

Амира чувствовала себя уютно, засунув руку в карман Подольского. Он говорил, она слушала, и так и шли они по направлению к Историческому.

Вдруг Амира встала, как вкопанная, и резко побелела, как мел. Ее спутник не сразу успел понять, в чем дело, но проследив направление ее взгляда, увидел, что он устремлен куда-то вперед-ввысь. И тут он вмиг понял, что так напугало ее. Над церковью был установлен плазменный рекламный щит. Точнее, это был даже не щит, а экран, с которого... с которого прямо в упор на них смотрели глаза Анхеля Оливера.

Перепутать эти глаза было сложно. Это странное сочетание опущенных вниз уголков глаз, одновременно искрящихся светом, он больше нигде и никогда не видел.

В этот момент, как будто бы одного этого посещения из зазеркалья не было достаточно, включился звук, и из встре-

енных в плазму динамиков полился бархатный голос.

К горлу Амиры подкатила дурнота. Анхель пел ТУ САМУЮ песню! Их песню. С нового, второго диска, который только записывался на момент их поездки в Боснию.

Об этой песне знали всего человек пять, и все они были проверенными людьми, людьми, которым они доверяли. Кто же из них мог продать их за грош, продать циничным преступникам, способным на все, лишь бы состряпать свое грязное и доселе неразгаданное дельце?

Амира чувствовала себя так, словно бы на нее навели оптический прицел и прямо сейчас выстрелят прямо в аорту. Глядя на улыбающееся, счастливое лицо Анхеля, она медленно умирала. Умирала прямо здесь. Посреди этой сырой, вымощенной брусчаткой площади.

Она задыхалась. К счастью, Подольский не дал этому продолжаться дольше. Схватив свою спутницу в охапку, он быстрым шагом, бегом почти, направился в сторону Моховой улицы, где их ждал его водитель.

Усадив Амиру в машину, он достал аптечку и ампулу с нашатырным спиртом. Разбив ампулу, он смочил ватный диск и поднес к ее носу.

Через пару минут она пришла в себя. Лицо ее слегка порозовело. Но в глазах стояла такая мука, что в них больно было смотреть. Взгляд ее просто резал на части, словно бы в этих глазах разбились вдребезги миллионы черных стекол. Подольский привез ее к себе домой, взял на руки и понес

наверх, в спальню.

Он был готов к сопротивлению, но Амира оказывать его не стала.

3

Прошло еще четыре дня.

Амира с головой окунулась в работу. Она работала практически круглыми сутками, сидя в своей лаборатории.

С Подольским они не виделись.

Одним не столь прекрасным утром ему позвонили.

Это был начальник его службы безопасности. Услышав, в чем дело, Дмитрий быстро накинул пальто и вышел куда-то, по телефону давая указания.

Приехал он не куда-нибудь, а в отделение полиции, расположенное рядом с аэропортом Шереметьево. Он не понимал, что происходило, но его возмущало, что он никак не мог связаться с адвокатом Амиры. Похоже, этот пройдоха отрывается где-нибудь на Бали.

Времени не было. Амира была задержана, и это было противозаконно, потому что прямым образом попирало ее иммунитет. У нее даже на автомобилях были дипломатические номера. Как посмели эти люди посадить ее в обезьянник?

Тем не менее, прояснить ситуацию мог только Сиддхартх или, на худой конец, Ренье, связь с которыми у него была только через адвоката. Они никогда не общались напрямую ни с кем, кроме Амиры и него.

И что сейчас ему делать, он просто не знал. Он набрал номер своего адвоката. Нужно как-то вытащить Амиру из ка-

меры, после чего она сможет сама связаться с Сиддхартхом. То, что вытворила Амира, уже показывали по всем телеканалам. Не хватало еще, чтобы ее сфотографировали журналисты здесь, в полицейском участке!

Ему совершенно не хотелось быть в этом замешанном, но еще меньше хотелось, чтобы в очередной раз пострадала она. Ей уже и так досталось сполна. Пора бы и честь знать.

После переговоров с адвокатом и бесконечных звонков в различные инстанции Амиру, наконец-то, освободили. Подойдя к камере, Подольский увидел странное зрелище.

Амира, сидя на полу, держала в руках гитару, которую каким-то неведомым ему способом она уговорила дежурного ей отдать в нарушение всех мыслимых правил.

Прислонившись к стене, она наигрывала меланхоличные мелодии, но не пела. Две ее сокамерницы сидели на скамейках и тоскливым взглядом смотрели куда-то вдаль.

– Амира! Что все это значит? Как ты сюда попала?

– За хулиганство. Сегодня первое декабря, международный день борьбы со СПИДом. Поэтому я не нашла ничего лучше, чем раздавать презервативы пассажирам чистой зоны.

– Господи, я ничего не понимаю. Но почему таким странным способом? Как тебе удалось проникнуть в зону вылета?

– Да, вот это было самым трудным. Я просто купила билет на самолет за двести долларов. Кажется, это было все.

– Да уж...не знаю, как и кого тебе удалось подкупить, но

выглядело это все очень эффектно. По крайней мере, в новостях. Эти вылетающие с потолка презервативы прямо на головы пассажирам... чокнутый заяц, раздающий листовки, пропаганда безопасного секса по громкой связи и Амира, играющая на гитаре в зале перед выходом на посадку. Да уж. С тобой явно не скучно.

– Ты даже представить себе не можешь, какой досмотр мне устроили семь лет назад при вылете в Белград. И все из-за моих ног. Теперь пришла моя очередь веселиться.

– А что было с ногами?

– Неважно.

– Ладно. Теперь, когда ты вновь стала звездой голубого экрана всего почти через три недели после своего феерического прибытия в страну с простреленной рукой, надеюсь, ты все же захочешь пойти со мной и выпить кофе сегодня вечером у тебя в спальне.

Он заговорщицки подмигнул.

Амира вдруг залилась звонким, веселым смехом.

– Ну, конечно же, кофе! Тебе с кардамоном? Или фильтр-пакета будет достаточно? Я приглашу тебя на кофе, мы даже можем с тобой посмотреть, как летают золотые бабочки по ночам. Но сначала я хочу обрадовать тебя. Перед тем, как приехать в аэропорт, я кое с кем поговорила, и у нас есть возможность прославиться. Мы должны будем на время покинуть Москву, чтобы выполнить задание, которое поступило из высших правительственных кругов одной из стран Ближ-

него Востока.

– Мы? Почему ты говоришь, мы?

– Мы – это я и ты. Мы летим вдвоем.

– О чем это ты? При чем тут я? Чем я могу тебе помочь?

И вообще-то у меня нет намерения попадать в кадр новостных телеканалов. Ты ведь знаешь, что моя репутация в бизнесе должна оставаться незапятнанной. В том числе, и различными политическими заданиями из высших правительственных кругов.

– Не волнуйся. У меня имеются договоренности на самом высоком уровне о том, что записи с камер наблюдения останутся в строжайшем секрете.

– Ну, хорошо, а как же пассажиры? Они тут же снимут все происходящее на камеры, и через пять минут это будет на YouTube. Ты знаешь ведь, как сейчас это все быстро делается.

– Не волнуйся, о пассажирах позаботятся. К тому же, боюсь, у нас нет выбора. Это личное задание Сиддхартха, и как ты уже знаешь, права отказаться он не дает. А ты мне нужен, потому что у меня должен быть напарник. Но обещаю, это будет интересно.

Подольский вздохнул.

На следующие сутки в одном из международных аэропортов Ближнего Востока на первый взгляд не происходило ничего странного. Пассажиры проходили паспортный контроль, снимали-надевали обувь, ставили контейнеры, прохо-

дили досмотр.

От внимания пограничников не ускользнула странновато выглядящая пара панков, которые, пройдя паспортный контроль, расположились у окна и, достав гитары, начали о чем-то болтать между собой. Это были мужчина и женщина, внешний вид которых был просто ужасающим.

Мужчина, высокий, был весь исколот татуировками. На голове у него был здоровенный ирокез черного цвета, в ушах – внушительные гайки, а на ногах – высокие шнурованные ботинки.

Женщина, с отталкивающе-черной копной длинных волос, размалеванная, как дешевая проститутка, с не менее, чем двадцатью кольцами на руках и совершенно отвратительной манерой держать себя, жевала жвачку, надувала пухляки и постоянно лопала их с противным звуком.

Ее руки также были все в татуировках, означавших непонятно что. Ее одежда была грязной, такое впечатление, что она не стирала ее месяца три. Она достала было сигарету, но потом, вспомнив, что в аэропорту не курят, убрала ее назад в пачку.

Пограничники хотели прогнать панков, но формально у них не было на это права. Молодые люди не нарушали общественного порядка, даже на гитарах не играли. Они просто сидели на полу у окна, женщина – спиной к пассажирам, мужчина – лицом, и болтали о чем-то своем.

Рядом с ними лежал раскрытый ноутбук, на котором они

оживленно смотрели какой-то ролик по техникам гитарной игры.

В это время на лицах пограничников проступило беспокойство. К стойке досмотра подошла странного вида женщина в черной абайе. На голове у нее был никаб, полностью закрывавший лицо, из которого были видны лишь ее глаза.

Даже несмотря на то, что ее платье было достаточно свободным, от наметанного взора пограничников не могло укрыться то, что в районе талии у женщины имелось какое-то утолщение.

Когда женщина стала проходить через рамку, раздался пронзительный визг. После чего беспокойство пограничников переросло в настоящую тревогу.

По рации было вызвано особое подразделение. Женщину отвели в сторону и приказали не двигаться. Пассажиры тем временем проходили через вторую рамку. Пока происходила вся эта кутерьма, мужчина-панк невольно залюбовался высокой молодой блондинкой с точеной фигуркой, упакованной в облегающий костюмчик.

Порхающей походкой, словно лесная нимфа она за считанные секунды прошла контроль и направилась в Duty Free с косметикой. Спутница панка, по всей видимости, пожурила своего возлюбленного за столь откровенное разглядывание декольте блондинки.

Она обиженно надула губки, расположившиеся на ее бледном лице в виде черного пятна, и достала мобильный

телефон, очевидно собираясь кому-то позвонить.

Вздохнув, она нажала кнопку вызова. В эту минуту в парфюмерном магазине раздался взрыв.

В аэропорту началась паника. Никто и не заметил, как двое панков, молча взяв свои вещи, тихо вышли через служебную дверь.

Они находились в близлежащем отеле. Смывая с лица отвратительный грим и снимая парик, Подольский спросил:

– Скажи, пожалуйста, как тебе пришла в голову эта мысль намотать взрывчатку на блондинку?

– Дим, ты же знаешь, что взрывчатка была ненастоящей. Это был всего лишь муляж.

– Но все равно, ты только посмотри, как верно ты все рассчитала. Пока пограницы занимались подозрительно выглядящей женщиной в никабе, блондинка беспрепятственно проникла в чистую зону.

– Ну да. Я готовила эту операцию уже очень давно. Цели у нашего задания было две. Во-первых, нужно было отвлечь внимание пограничников, чтобы человек с взрывчаткой мог беспрепятственно пройти в чистую зону, обойдя детектор.

Во-вторых, я хотела показать, что предвзятое отношение к пассажирам неприемлемо, и как раз тот, на которого меньше всего можно подумать, и будет виновником преступления. Ты только посмотри, как они все накинудись на ту женщину в абайе.

Да, в этой стране давно идет скрытый конфликт с радикальными исламистами, но это не значит, что все жители этой страны – потенциальные террористы, ведь так? Вот я и выбрала им фарфоровую куклу, на которую у всех... в общем, не хочу говорить, что происходит у всех. Но на которую точно не подумаешь.

Это будет им отличным уроком. Сиддхартх обрадуется, ведь мы выполнили задание на отлично и нашли дыру в безопасности аэропорта. Теперь им будет, над чем поработать. Правда, без сложностей не обошлось. Скажу тебе, нашим людям было сложно изготовить взрывчатку, малозаметную на поясе «смертницы».

Ну, и во-вторых, найти беременную женщину с титановыми пластинами тоже было нелегко. Одним словом, я очень устала. Сейчас бы в душ... А потом... Потом я хочу сходить куда-нибудь поесть. Но сначала я должна связаться с Сиддхартхом и министром обороны, чтобы доложить о том, что задание выполнено.

Подольский был в шоке. Как буднично она об этом всем рассказывает! Для него это было настоящим приключением, какого и в кино не покажут. Жаль, что он не может рассказать об этом сыну. Тот бы гордился папой, наверняка.

Он до сих пор не мог прийти в себя, его сердце бешено стучало. Не каждый день с ним происходит такое! Самое страшное было тогда, когда началась вся эта кутерьма, и им пришлось уходить.

Полиция Наверняка уже догадалась, что взрывчатка была на радиоуправлении, и что командовала преступлением странная пара с гитарами.

Что, если бы их просто пристрелили на месте? Амира сказала, что пограничники не были в курсе спецоперации, иначе кто-то мог проколоться и сорвать ее.

А она сидит, как ни в чем не бывало, и говорит о еде! Господи, с ней становится как-то не по себе. Похоже, она в этом своем Патонге положила полстраны, по меньшей мере, если так хладнокровно ведет себя.

Амира вышла из душа, раскрасневшаяся, от ее кожи шел пар. Подольский мгновенно забыл о тревожных мыслях, о том, что устал и был голоден. Адреналин в его крови зашкаливал.

Он безумно хотел эту чудачку, хотел завалить ее на кровать, нет, прямо на пол, и неистово заниматься с ней любовью прямо сейчас.

Кровь прилила к лицу. Он встал и схватил Амиру в охапку. Она ответила ему звонким смехом, но, кажется, не возражала особо. Они камнем полетели на широченную кровать.

Вернувшись домой, они заперлись в спальне и не выходили до утра. Проснувшись, Подольский не обнаружил рядом своей прекрасной спутницы и начал было беспокоиться. Спустившись вниз, он уловил запах чего-то подгоревшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.